

Секция «Музейный и галерейный менеджмент и история искусств»

Античные герои в раннехристианской культуре

Научный руководитель – Лукичева Красимира Любеновна

Бузыкина Ирина Николаевна

Аспирант

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Высшая школа культурной политики и управления в гуманитарной сфере, Менеджмент, Москва, Россия
E-mail: irina.nik.buzykina@gmail.com

Восприятие первых веков нашей эры как непрерывного процесса развития культуры, а не крушения развитой цивилизации, сложилось в западной науке благодаря достижениям археологии, филологии, истории искусства в идентификации и расшифровке наглядных свидетельств как классической, так и христианской античности.

В этом сообщении мне бы хотелось на примере поздней (христианской) античности показать, что образно-символический язык присутствует на уровне общего «культурного кода» эпохи как в визуальных видах искусства, так и в письменной традиции.

Поскольку речь пойдет о стереотипах мышления и восприятия, свойственных пост-эллинистической греко-римской культуре, насыщенной ближневосточными заимствованиями, я не разделяю ее на «греческий восток и латинский запад».

Мировоззрение раннего христианства унаследовало от языческой эпохи представления о законах морали, которые выше человеческой личности и являются основанием добродетелей. В понятии добродетели и героизма как ее предельного проявления смыкаются языческое и христианское мировоззрения античности. Поэтому герои с миссией вселенского масштаба, такие как Одиссей, «оправдываются делами» и становятся носителями благого начала в новом контексте: образы из гомеровских поэм постоянно присутствуют в христианском письменном наследии.

Хотя образ героя, используемый отцами церкви, и происходит из древнегреческого эпоса, необходимо учитывать, что к IV - VI вв. н.э. он был усвоен и интерпретирован в контексте иной культуры, скорее пересказан, чем переведен, потерял первоначальный язык, а значит, вероятно, и дух. Однако христианские авторы неизменно используют хвалебные эпитеты вроде «сладостный» применимо к «языку Гомера», которым сами могли уже не владеть [Rahner: 286-287] и восхищаются мудростью и даром слепца видеть истину [Ibid: 286-287]. Вторая важная составляющая представления о героизме - древнеримская модель нравственности. Давно замечено, что «римляне нашли достаточно явственное выражение... целому комплексу моральных доблестей, связанных с государством, которые вместе составляют их *virtus*. ... Среди них не только «честь» и «мужество», или просто «мужество», но также и «порядочность» и «верность службе», «благочестие» как выражение преимущественно религиозной доблести и «милосердие» в значении, как у Вергилия - «щадить поверженных», «согласие» ... и «равенство» - всех граждан перед человеческим и божественным законом... «постоянство (или терпение)» - персонификация неколебимой выносливости или терпения». [Curtius: 26]. Критикуя эту модель в одной из книг «О Граде Божием» святой Августин проводит недвусмысленные параллели между идеалом *res publica* и Церковью, которая и должна представлять воплощение этого идеального нерасторжимого единства людей.

Пользуясь богатейшим наследием классической античной словесности, христианские интеллектуалы эпохи патристики сформировали особую переходную картину мира, различными способами взаимодействующую с античным наследием. Понятие «герой» показательно в плане адаптации в христианской среде и поэтому так важно для культуролога.

Герой в античности занимает место срединное между людьми и богами, отличается особыми добродетелями, полученными в дар за приверженность божеству и обладает недоступной человеку силой и мудростью. Для христианина посредниками между людьми и Богом были мученики. Многие античные идеалы нравственной чистоты и религиозного благочестия, потеряв актуальность по причине языческого происхождения, получают вторую жизнь в качестве метафор, символов, предвестников будущих добродетелей. Греческий миф представляется закономерным и полноправным объектом метафорических интерпретаций в христианской литературе. Наиболее часты в ней аллюзии на героев, чьи подвиги были связаны с нисхождением в подземное царство Аида, возвращением из него и сопряжены с испытаниями не только ловкости тела и изобретательности ума, но и твердости духа, справиться с которыми обычный смертный не в состоянии.

Для иллюстрации того, что визуальная и нарративная области культуры отсылают к общему набору мифологем или стереотипов сознания, приведем два примера, в которых языческий герой воспринимается как иносказательное описание Христа.

Самый узнаваемый герой-символ в изобразительном искусстве - Орфей. Прекрасный юноша, окруженный внимающими ему зверями, с лирой в руке или барабком на плечах, относится к наиболее недвусмысленно трактуемым языческим сюжетам, встречающимся в раннехристианском контексте [Huskinson: 68]. Орфей-добрый пастырь - первая метафора церкви как «стада Христова», наглядная цитата библейского пророчества о временах, когда лев будет лежать рядом с агнцем - как дикие звери и стадо, зачарованные звуками чудесной лиры. Здесь есть и пастух, и стадо - послушные овцы, и заблудшая, но возвращенная.

Из многочисленных героев гомеровского эпоса наибольшего внимания христианских мыслителей удостоился Одиссей. Надеясь на скорое возвращение к родным берегам, он дерзает направить корабль туда, где его ожидает неизбежная гибель. Образ героя, минующего смертельные опасности, стал для церкви метафорой путешествия человека через земные искушения и страдания, а мачта за спиной отважного корабельника превратилась в символ спасающего древа Креста. В этом сюжете оказались удачным образом задействованы ключевые для раннехристианского культурного текста символы — корабль, бурное море, древо, искушения в прелестном облици.

***

Помимо прямого заимствования элементов образного языка, вполне предсказуемого в условиях непрерывности традиции (общем литературно-мифологическом пространстве) очевидным кажется параллелизм некоторых образов эпоса и Библии. Сверхспособности героев, сюжетные перипетии, и даже отдельные предметы, имеющие символическую нагрузку, становятся метафорой христианских подвигов веры и благочестия. Раннехристианское искусство привлекало исследователей в первую очередь своим символическим языком, понятным только посвященным. Предметы, взятые из профанного мира, получали сакральный смысл, благодаря насыщению которым искусство приобрело новое измерение, сохранив совершенство классических форм. Наследие классической древности, пронесенное на уровне подсознания, заставляет христианство строить собственный символический язык на основе не столько отрицания, сколько узнавания старых форм. В частности, мифологема нисхождения в загробный мир была для античности знакомой и понятной, поэтому сопоставление между Христом и эпическими героями, побывавшими «на той стороне», считается человеком с определенным «культурным кодом» совершенно естественным образом. Вокруг некоторых мифологических (Геракл) и квазиисторических (Эней, Гомер) персонажей античной культуры и поздних трансляторов мифа в лице Овидия, христиан-

ские мыслители сформировали собственную экзегетическую традицию, продолжавшуюся в Средневековье, воспринятую в эпоху Ренессанса и Новое время.

Источники и литература

- 1) L.Curtius. Das antike Rom.Wien, 1944
- 2) J. Huskinson. Some Pagan Mythological Figures And Their Significance In Early Christian Art // Papers Of The British School In Rome, Vol.42 (1974), pp. 68 – 97
- 3) H. Leppin (Hrsg.) Antike Mythologie in christlichen Kontexten der Spätantike. Millenium-Studien/De Gruyter 2015
- 4) H. Rahner, Griechische Mythen in christlicher Deutung. 3. Auflage, Verlag Herder Freiburg im Breisgau, 1992
- 5) K. Ronnenberg, Mythos bei Hieronymus. Zur christlichen Transformation paganer Erzählungen in der Spätantike. Hermes-Einzelschriften 108. Franz Steiner Verlag Stuttgart, 2015